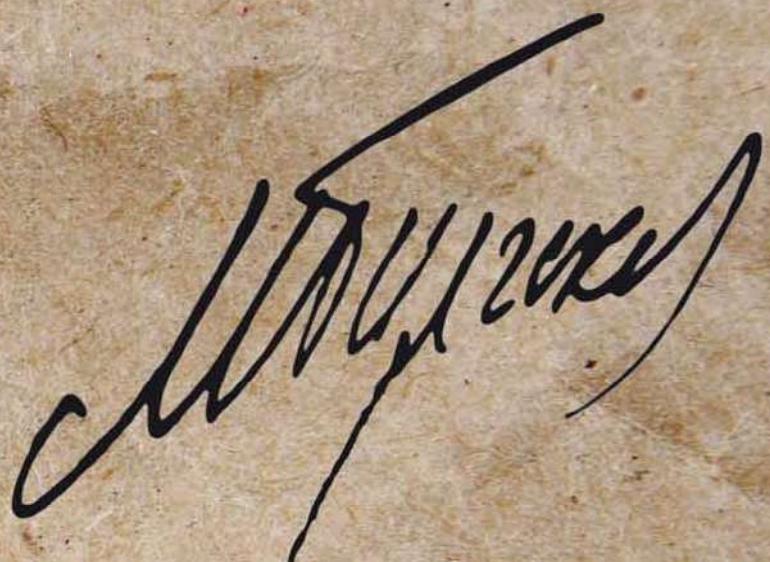

МИХАИЛ БУЛГАКОВ, ЕГО ВРЕМЯ И МЫ

MICHAŁ BUŁHAKOW,
JEGO CZASY I MY

Коллективная монография под редакцией
Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего

МИХАИЛ БУЛГАКОВ, ЕГО ВРЕМЯ И МЫ
MICHAŁ BUŁHAKOW, JEGO CZASY I MY

MICHAIŁ BUŁHAKOW, J E G O C Z A S Y I M Y

Praca zbiorowa
pod redakcją Grzegorza Przebindy i Janusza Świeżego
przy współpracy Dzmitrego Kliabanaua

Kraków 2012

МИХАИЛ БУЛГАКОВ, ЕГО ВРЕМЯ И МЫ

Коллективная монография
под редакцией Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего
при участии Дмитрия Клебанова

Краков 2012

Seria: BARWY Rusi, tom 2

Redaktor serii
Grzegorz Przebinda

Redaktorzy tomu
Grzegorz Przebinda
Janusz Świeży

Recenzenci
Galina Niefagina
Anna Skotnicka
Tadeusz Szczerbowski
Alicja Wołodźko-Butkiewicz

Korekta
Dzmitry Kliabanau
Janusz Świeży

Układ graficzny, dtp
Tomasz Sekunda

Projekt okładki
Tomasz Sekunda, Janusz Świeży

Na okładce i w książce wykorzystano zdjęcia ze zbiorów
Muzeum Michała Bułhakowa w Kijowie
oraz © Les Cunliffe – Fotolia.com

Publikacja dofinansowana przez Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Uniwersytetu Jagiellońskiego

© Copyright by Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ, 2012
Wydawnictwo «scriptum», 2012

ISBN 978-83-60163-87-0

Wydawnictwo «scriptum»
Tomasz Sekunda
tel. 604 532 898
e-mail: scriptum@scriptum.strefa.pl
www.scriptum.strefa.pl/sklep

Михаил Булгаков, его время и мы

Коллективная монография под редакцией Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего, Краков 2012

ОТ РЕДАКТОРОВ

Интерес к творчеству Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940) имеет в Польше давние традиции. Писатель принадлежит к числу наиболее известных, любимых и высоко ценимых читателями русских прозаиков и драматургов. Творческое наследие Булгакова – в первую очередь, конечно, роман *Мастер и Маргарита* – давно стало также предметом изучения для польских литературоведов. Особенного внимания в этой связи заслуживают выдающиеся достижения Анджея Дравича (1932–1997), судьба которого в 80-е годы прошлого века была тесно связана с краковской русистикой: с 1981-го по 1992 год ученый преподавал современную литературу в Институте восточнославянской филологии Ягеллонского университета. Вехи булгаковианы Дравича – это габилитационная (докторская) диссертация *Мастер и дьявол (Михаил Булгаков)*, выпущенная в 1987 году университетским издательством; первое академическое издание *Мастера и Маргариты* (1990) с почти 90-страничной вступительной статьей Дравича и комментариями Гжегожа Пшебинды; новый перевод булгаковского «закатного романа», вышедший в 1995 году.

Неслучайно именно в нашем Институте возникла идея отметить две булгаковские годовщины – 120-летие со дня рождения писателя (2011)

и 70-летие со дня его смерти (2010). Первым мероприятием, приуроченным к этим памятным датам, стала международная научная конференция «Михаил Булгаков, его время и мы», прошедшая в Кракове с 22 по 24 сентября 2011 года. В ней приняли участие 86 булгаковедов из 17 стран Европы и Азии (Армения, Беларусь, Венгрия, Германия, Грузия, Израиль, Италия, Казахстан, Латвия, Польша, Россия, Словакия, Украина, Франция, Швейцария, Эстония, Япония), причем интерес к конференции превысил все наши ожидания. Тогда же у нас родилась мысль о создании коллективной монографии, которая отразила бы весь спектр вопросов, затронутых в ходе конференции. На основе прочитанных докладов (как правило, переработанных, расширенных, подчас существенно измененных авторами) специально для данного сборника подготовлено 69 статей.

Год выхода книги для польского булгаковедения тоже по-своему знаменателен. В мае 2012-го исполнилось 80 лет со дня рождения Анджея Дравича и – увы – 15 лет со дня его скоропостижной смерти. А в начале декабря пришло печальное известие о кончине Ядвиги Урбаньской-Слиш – первой польской исследовательницы творчества Булгакова, выпускницы и многолетней сотрудницы Ягеллонского (1949–1972) и Варшавского (1972–1991) университетов. Имена обоих присутствуют на страницах сборника.

Авторы статей – филологи-литературоведы и лингвисты, театроведы, культурологи, искусствоведы, историки и философы – пытались пополнить наши знания о Михаиле Булгакове и его времени новыми темами научных изысканий и новым прочтением его творчества, то есть уловить и описать те аспекты художественного мира писателя, которые открываются перед исследователями в наше время, когда сближаются национальные культуры и налаживается все более тесный диалог между народами в Европе от Атлантики до Урала.

Всем авторам статей, а также рецензентам – Галине Львовне Нефагиной, Алиции Володзько-Буткевич, Анне Скотницкой и Тадеушу Щербовскому – мы выражаем искреннюю признательность за их добросовестный труд. Мы благодарим также Людмилу Викторовну Губианури, директора киевского Литературно-мемориального музея М. А. Булгакова, за любезное разрешение использовать в оформлении книги фотографии из музеиного фонда. Отдельно хотелось бы поблагодарить Евгения Александровича Яблокова за ту отзывчивость, которую он проявил к нам на разных этапах подготовки сборника.

*Гжегож Пшибинда
Януш Свецкий*

Михаил Булгаков, его время и мы

Коллективная монография под редакцией Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего, Краков 2012

Гжегож Пшебинда*

Польша

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Переведенная на польский книга Бориса Соколова *Булгаковская энциклопедия* содержит более сотни информативных статей, подробнейшую хронику жизни и творчества писателя, почти две тысячи фотографий¹. Статьи посвящены как реальным людям (родителям, двум братьям, трем сестрам, трем женам, Ленину, Сталину, Троцкому, Бухарину), так и литературным персонажам (Абадонне, Берлиозу, Иешуа Га-Ноцри, Понтию Пилату, Жоржу Бенгальскому). Есть здесь и такие статьи, как *Кант*, *Иммануил*, *Масонство*, *Демонология*, *Нехорошая квартира*, *Великий бал у сатаны*, *Христианство*. Обстоятельно говорится обо всех важнейших произведениях писателя – от *Адама и Евы*, *Блаженства и Белой гвардии* до *Мастера и Маргариты* и *Кабалы святоши*. Особую группу составляют статьи о русских мыслителях первой половины XX века – Николае

* Grzegorz Przebinda – профессор, доктор наук (profesor zwyczajny doktor habilitowany), заведующий кафедрой культуры восточных славян в Институте восточнославянской филологии Ягеллонского университета в Кракове.

¹ B. Sokołow, *Michał Bułhakow. Leksykon życia i twórczości*, tłum. A. Wołodźko-Butkiewicz, I. Krycka, J. Skrunda, Warszawa 2003.

Бердяеве, Павле Флоренском, Льве Шестове, – личностях, которые, по мнению Соколова, существенно повлияли на представления Булгакова о Боге, человеке и сатане. Каждый читатель найдет в этой энциклопедии что-то для себя, независимо от степени знакомства с писателем и его творчеством. Некоторые сведения могут стать полной неожиданностью даже для посвященных.

Украинцы, евреи и польский вопрос

Генрик Сенкевич (1846–1916) – один из немногих иностранных писателей, о котором Соколов написал отдельную статью. Исследователь установил, что имя автора *Огнем и мечом* упоминается в произведениях Булгакова только один раз, в *Белой гвардии*, зато в очень примечательном историческом контексте. Говоря о крестьянских восстаниях на Украине в 1918 году, Булгаков пишет: «И в польской красивой столице Варшаве было видно видение: Генрик Сенкевич стал в облаке и ядовито ухмыльнулся»². Эта сцена, как убедительно доказывает автор энциклопедии, непосредственно восходит к трагическому образу из самых первых фраз романа *Огнем и мечом*, где Сенкевич в апокалиптических красках рисует восстание Хмельницкого:

Над Варшавой являлись в облаке могила и крест огненный, по каковому случаю назначалось поститься и раздавали подаяние, ибо люди знающие пророчили, что мор поразит страну и погибнет род человеческий³.

В начале *Белой гвардии*, в самом первом абзаце, находим перекличку с Сенкевичем:

Велик был год и страшен был год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды; звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный дрожащий Марс⁴.

Сенкевич наделен у Булгакова даром Кассандры, а его трагические предсказания о судьбе Украины, сделанные на основе событий, произошедших в середине XVII века, сбылись в 1918 году в Советской России. Известно, что автор *Огнем и мечом* считал возможным политический

² Б. Соколов, *Булгаковская энциклопедия*, Москва 1997, с. 418; М. Булгаков, *Белая гвардия*, в кн.: он же, *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*, Москва 1973, с. 73.

³ Б. Соколов, *Булгаковская...*, с. 418.

⁴ Там же, с. 418; М. Булгаков, *Белая гвардия...*, с. 13.

альянс украинских казаков с Польшей, Булгаков же был против любых попыток отделения Украины от России. Тем не менее, оба писателя – и польский, и русский – одинаково оценивали вектор народного движения на Украине – как бунт, ведущий народ к гибели. Булгаков опирался на впечатления от нескольких дней службы в частях Семена Петлюры, куда он был насильно мобилизован в феврале 1919 году в Киеве. Будущий писатель был поражен тем, с какой легкостью петлюровцы переходят на сторону большевиков, и относился к ним как к бандам обычных уголовников, воюющих за свои собственные интересы и с одинаковой враждебностью относящихся ко всем: белым, красным, немцам, полякам и даже к самому Петлюре. К атаману Булгаков тоже относился крайне негативно и поэтому показал его в *Белой гвардии* как человека, знающегося с нечистой силой. Камера, из которой в романе освободили Петлюру, обозначена номером 666 (из статьи *Петлюра Семен*)⁵. Что же касается Сенкевича, Соколов обращает внимание на еще одно его произведение – роман *Омуты* (1909–1910), который мог повлиять на оценку в *Белой гвардии* тех идеально-политических доктрин начала XX века, которые вдохновляли и поддерживали всякие бунты масс, уничтожив впоследствии и интеллигенцию, и сами эти массы:

В *Белой гвардии* изображение стихии крестьянского мятежа на Украине перекликается не только с *Огнем и мечом*, но и с *Омутами*. Здесь Сенкевич под впечатлением событий революции 1905–1907 гг. и постепенного погружения всего мира в пучину военной конфронтации, приведшей в конце концов к первой мировой войне, гениально предвидел потрясения и страдания, выпавшие на долю человечества в XX в. Он показал опасность доктрин, могущих провоцировать массовый стихийный взрыв возмущения черни, а также безразличие носителей этих доктрин к судьбе народа, к жизням людей, от имени и во имя которых они выступают. Героиня романа, 16-летняя скрипачка Марина Збыстовская гибнет во время революционного погрома, защищая свою скрипку. Эта смерть становится как бы следствием нигилистических идей, проповедуемых влюбленным в Марину и застрелившимся после ее смерти студентом Ляскевичем⁶.

В 1989 году булгаковедов всего мира облетело сенсационное известие: в архивах Лубянки найден булгаковский дневник *Под пятой*, о существовании которого, конечно, было известно, но считалось, что он не сохранился. Этот дневник писатель вел в 1923–1925 годах. В мае 1926-го он был конфискован агентами ОГПУ. Позже, в 1929, его в конце кон-

⁵ Б. Соколов, *Булгаковская...*, с. 569–570.

⁶ Там же, с. 418–419.

цов вернули автору, а тот сразу его сжег... Но «рукописи не горят»... В ОГПУ, как оказалось, не только перефотографировали все три тетради воспоминаний, но даже приказали перепечатать их на машинке. Именно эту копию и нашли в 1989–1993 гг. в архивах «Лубянки».

Соколов утверждает, что некоторые места в дневнике носят антисемитский характер («свойственный Булгакову бытовой антисемитизму»). Писатель, например, постоянно отмечает, что тот или иной антипатичный ему человек – еврей (так он отзывается, в частности, об издателе *Белой гвардии* Захаре Каганском или о некоторых руководителях берлинского издательства «Накануне»). Писатель осуждает французского премьер-министра Эдуарда Эрио (1872–1957), который «этих большевиков допустил в Париж», и объясняет это его «еврейским происхождением» (добавим, что на самом деле это не так)⁷. Булгакова оскорбляет воинственный атеизм большевиков, их глумление над христианством, особенно статьи, печатавшиеся в журнале «Безбожник», где Иисуса рисовали в самых черных красках. Нападки на Христа Булгаков также объясняет еврейским происхождением авторов «Безбожника»⁸.

⁷ Там же, с. 379. Вот запись Булгакова из дневника *Под пятой*, сделанная в ночь с 20 на 21 декабря 1924 года: «Теперь очередь французов. Мосье Красин с шиком поднял на Rue de Grenelle красный флаг на посольстве. Вопрос ставится остро и ясно: или Красин со своим полпредством разведет бешеную пропаганду во Франции и одновременно с этим постарается занять у французов денег; или французы раскусят, что сулит флаг с серпом и молотом в тихом квартале Парижа. Вернее второе. В прессе [видимо, французской. – Г. П.] уже началась бешеная кампания не только против большевиков московских и парижских, но и против французского премьера Эрио, который этих большевиков допустил в Париж. У меня нет никаких сомнений, что он еврей. Люба [Белозерская. – Г. П.] мне это подтвердила, сказав, что она разговаривала с людьми, лично знающими Эрио. Тогда все понятно» (М. и Е. Булгаковы, *Дневник Мастера и Маргариты*, Москва 2004, с. 45). В общем Булгаков, конечно, имеет здесь в виду факт признания de iure советского правительства Францией (в телеграмме от 28 октября 1924 года премьера Эрио председателю Совнаркома и народному комиссару иностранных дел) и впоследствии открытие советского посольства в Париже. Первым советским полпредом в Париже был в 1924 году Леонид Красин (1870–1926), кстати, инициатор сохранения мумии Ленина и возведения Мавзолея на Красной площади.

⁸ Б. Соколов, *Булгаковская...*, с. 581. Из дневника Михаила Афаньевича Булгакова от 5 января 1925 года: «Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера „Безбожника“, был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее: ее можно доказать документально – Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены. [...] Большинство заметок в „Безбожнике“ подписаны псевдонимами. „А сову эту я разъясню“» (М. и Е. Булгаковы, *Дневник Мастера и Маргариты...*, с. 55–56).

Соколов умело реконструирует отношение Булгакова к полякам. Трудно было бы ожидать от писателя симпатий к Польше после того, как в 1920 году армия Пилсудского оккупировала его родной Киев – тем не менее, в его текстах сквозит уважение и даже восхищение рыцарством старой польской шляхты. В 1936 году Булгаков написал либретто к опере Бориса Асафьева *Минин и Пожарский*, в основе сюжета которой было нападение Польши на Россию в начале XVII века. Власти тут же обвинили писателя в том, что он не любит русский народ: поляки в его либретто вышли слишком уж привлекательными. В 1938 году польские сцены одна за другой были изъяты из радиомонтажа оперы. Соколов пишет, что конфликт в либретто легко ассоциировался с гражданской войной в России: лагерь поляков – с белыми, а ополчение Минина и Пожарского – с красными. Наверное, поэтому Булгаков изобразил поляков определенно не без доли благородства, точно так же, как когда-то белогвардейцев в *Днях Турбиных*⁹.

Роман с морфием

В энциклопедии Соколова описано немало драматических событий. В марте 1917 года Михаил Булгаков, направленный работать врачом в провинцию, заразился дифтерией. Ему сделали прививку и, чтобы смягчить боль, ввели морфий, к которому у Булгакова возникло мгновенное привыкание. Медик и наркоман в одном лице, он выписывал себе нужные рецепты, а покупать по ним морфий гонял свою первую жену, Татьяну Лаппу. Она вспоминала:

Я пошла, нашла аптеку, приношу ему. Кончилось это – опять надо. Очень быстро он его использовал... Ну печать у него есть – «иди в другую аптеку, ищи». И вот я в Вязьме там искала, где-то на краю города еще аптека какая-то. Чуть ли не три часа ходила. А он прямо на улице стоит, меня ждет. Он тогда такой страшный был¹⁰.

Булгаков впрыскивал себе морфий дважды в день. Жене, героически боровшейся с его пагубной привычкой, он в отчаянии угрожал револьвером. Но верная Татьяна боролась за мужа и победила. Она постепенно уменьшала дозу наркотика в растворе, и в конце концов ей удалось полностью заменить морфий дистилированной водой. Сам Булгаков в рассказе *Морфий*, созданном спустя десять лет после описанных со-

⁹ Б. Соколов, *Булгаковская...*, с. 341–347 (статья *Минин и Пожарский*).

¹⁰ Там же, с. 358.

бытий, изобразил состояние наркотического опьянения, приписав его, естественно, своему персонажу:

Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если бы я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормальный человек может работать только после укола морфием¹¹.

В *Мастере и Маргарите* тоже есть наркотические реминисценции. Мы – уже зная подробности жизни писателя – сможем обнаружить их в эпилоге романа. Прежний Иван Бездомный превратился в солидного профессора Ивана Николаевича Понырева, сотрудника Института истории и философии. Как эмпирик и реалист, профессор прекрасно осознаёт, что в молодости он стал жертвой шайки гипнотизеров. В конце концов ему все же удалось избавиться от дьявольского наваждения. Почему же каждое весеннее полнолунье его по-прежнему влечет на Патриаршие пруды, а оттуда в арбатские переулки к старому особняку в готическом стиле? После он возвращается домой совсем больной, ища успокоения рядом с верной женой:

И возвращается домой профессор уже совсем больной. Его жена притворяется, что не замечает его состояния, и торопит его ложиться спать. Но сама она не ложится и сидит у лампы с книгой, смотрит горькими глазами на спящего. Она знает, что на рассвете Иван Николаевич проснется с мучительным криком, начнет плакать и метаться. Поэтому и лежит перед нею на скатерти под лампой заранее приготовленный шприц в спирту и ампула с жидкостью густого чайного цвета.

Бедная женщина, связанная с тяжко больным, теперь свободна и без опасений может заснуть. Иван Николаевич теперь будет спать до утра со счастливым лицом и видеть неизвестные ей, но какие-то возвышенные и счастливые сны¹².

Ибо во сне ему приснится то, что он когда-то видел наяву: бессмертные образы и сцены из романа Мастера об Иешуа Га-Ноцри и Понтии Пилате.

¹¹ Там же, с. 359; М. А. Булгаков, *Морфий*, в кн.: он же, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 1: *Записки юного врача. Белая гвардия. Рассказы. Записки на манжетах*, Москва 1989, с. 159.

¹² М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, в кн.: он же, *Белая гвардия...*, с. 810–811.

Шифры и контекст Книги

В своей энциклопедии Соколов больше всего места отвел, естественно, *Мастеру* и *Маргарите*. Статей, посвященных роману, насчитывается около пятидесяти – *Мастер*, *Маргарита*, *Бегемот*, *Коровьев-Фагот*, *Барон Мейгель*, *Никанор Иванович Босой*, *Иван Бездомный*, *Театр Варьете*, *Стравинский*, *Лихоедев*... Соколов докапывается буквально до всего: до прототипов персонажей, происхождения имен, источников, которыми пользовался Булгаков. Га-Ноцри – одно из имен Христа, которое упоминается в Талмуде и означает «Назарянин». Автор энциклопедии раскрывает, каким образом это имя проникло на страницы романа. Оказывается, впервые, как утверждает вооруженный знаниями эпохи и архивов Соколов, оно встретилось Булгакову в пьесе Сергея Чевкина *Иешуа Ганоцри. Беспристрастное открытие истины* (1922), а позже – в работе Фридриха В. Фаррара *Жизнь Иисуса Христа* (1873). Автор *Булгаковской энциклопедии* раскрывает и другие тайны Булгакова, расшифровывает имена его библейских персонажей и демонов из свиты Воланда, отыскивает сюжеты и мотивы, восходящие к *Фаусту*, раскрывает большинство прообразов гостей, явившихся на Великий бал у сатаны. Интересно, что, изображая этот бал, Булгаков опирается не только на описания средневекового шабаша ведьм, но и на свои впечатления от приема, устроенного в Москве американским послом Вильямом Буллитом 22 апреля 1935 года по случаю национального праздника США. Елена Сергеевна Булгакова, третья жена писателя, вдохновившая его на создание образа Маргариты, вспоминала в дневнике 23 апреля 1935 года:

Бал у американского посла. М. А. в черном костюме. У меня вечернее платье исчерна-синее с бледно-розовыми цветами. Поехали к двенадцати часам. Все во фраках, было только несколько смокингов и пиджаков. [...] Буденний, Тухачевский, Бухарин в старомодном сюртуке, под руку с женой, тоже старомодной. Радек в каком-то туристском костюме. [...] В зале с колоннами танцуют, с хор – прожектора разноцветные. За сеткой – птицы – масса – порхают. Оркестр, выписанный из Стокгольма. М. А. пленился больше всего фраком дирижера – до пят. [...] Часа в три заиграли гармоники и петухи запели. Стиль рюсс¹³.

¹³ Б. Соколов, *Булгаковская...*, с. 139 (статья *Великий бал у сатаны*); М. и Е. Булгаковы, *Дневник Мастера и Маргариты...*, с. 211.

Человек – *res sacra*

Наименее убедительными кажутся те фрагменты, в которых автор энциклопедии пытается вписать Булгакова и его роман в философский контекст эпохи. Бездоказательным представляется сравнение мировоззрения Иешуа Га-Ноцри с анархизмом Бердяева или с принципом Божественного Абсолюта Сергея Булгакова. Стоит ли иррациональный мир *Мастера и Маргариты* выводить из трудов Льва Шестова? (статьи: *Бердяев Николай Александрович, Булгаков Сергей Николаевич, Шестов Лев*). Заметное влияние на Булгакова оказал только Павел Флоренский, но можно ли утверждать, как это делает Соколов, что ключом в интерпретации *Мастера и Маргариты* является цифра три (у Флоренского «имманентная Истина»)?¹⁴ Если Воланд говорит: «Люди, как люди, любят деньги, но ведь это всегда было», – то обязательно ли искать в этих словах отзвуки полемики Булгакова с Кантом и его представлениями о нравственном прогрессе человечества?¹⁵

К счастью, в художественном мире Михаила Булгакова все не так сложно и по-человечески более нам близко. Вот сцена из романа, где Левий Матвей говорит печальным голосом: Мастер не заслужил после смерти света, он заслужил покой. Первоначально казалось, что Булгаков помещает своего героя в дантовское limbo, то есть в первый круг геенны – туда, где находятся души умерших, которым не по их вине закрыт доступ в рай (например, души древних мудрецов и поэтов, живших до Христа). Теперь становится очевидным, что покой в иерархии Булгакова и его Мастера гораздо выше света, в котором все должно расплываться, слиться в какое-то мучительное единство. В этом оазисе покоя Мастер находит свой вечный дом – великую и недостижимую мечту самого Булгакова в его земной юдоли.

В главе тридцать второй *Процентие и вечный приют счастливая в постороннем мире* Маргарита говорит Мастеру:

– Слушай беззвучие, [...] слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, – тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой

¹⁴ Б. Соколов, *Булгаковская...*, с. 480 (статья Флоренский Павел Александрович).

¹⁵ Там же, с. 238 (статья Кант Иммануил).

засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я¹⁶.

Спорной является интерпретация Соколовым *Мастера и Маргариты* в духе манихейства. Ни магия, ни масонские символы, ни демоны не исчерпывают подлинной сути булгаковского шедевра. Все это от силы декорация, красочный фон романа, в центре которого – человек и человеческая свобода. Ключ к пониманию *Мастера и Маргариты* читатель найдет в главе двадцать девятой – *Судьба Мастера и Маргариты определена*. Там дьявол Воланд – герой, в сущности, положительный – защищает от идеолога Левия Матвея (предтечи Сталина) человеческое царство теней, говоря:

[...] не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она, – в твоих интонациях. Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое, из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп¹⁷.

Последнее утверждение в 1930-х годах относилось к адептам «исторического материализма» в СССР, а сейчас оно воспринимается как предупреждение об опасности любой утопии. С манихейством и культом сатаны здесь нет ничего общего.

* * *

Особого внимания заслуживает содержательное эссе Алиции Володзько-Буткевич *Булгаков в Польше*, опубликованное в польском издании энциклопедии. Из него мы узнаём, что первым булгаковским произведением, изданным на польском языке, была пьеса о Пушкине *Последние дни*, переведенная в 1949 году Александром Бахрахом, бывшим функционером Союза польских писателей в Таджикистане. Премьера пьесы Булгакова *Кабала святоши* состоялась в 1968 году в городе Забже (Верхняя Силезия), а в 1971 году этот спектакль шел в Лодзи. Среди переводчиков Булгакова на польский язык были Земовит Федецкий

¹⁶ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита...*, с. 810–811.

¹⁷ Там же, с. 776.

и Анджей Мандальян. *Кабалу святоши* перевел Ежи Помяновский. Судьба этого произведения на польской сцене была очень удачной, ее великолепно поставил Мачей Войтышко, а Мольера с оглушительным успехом сыграл Тадеуш Ломницкий.

Роман *Мастер и Маргарита* переводили на польский язык дважды. Сначала, в 1967 году, — Иrena Левандовская и Витольд Домбровский (переводчики до 1973 года вносили в текст дополнения — по мере появления все более полных вариантов произведения). Потом, в начале 1990-х годов, лучший польский булгаковед Анджей Дравич сделал новый перевод, уступающий предыдущему в стилистическом отношении, хотя и более точный с языковой точки зрения¹⁸. Уже в 1990 году издательство «Оссолинеум» подготовило научное издание первого перевода *Мастера и Маргариты*, снабдив его вступительной статьей Дравича и комментариями автора этих строк¹⁹, — и с этих пор роман Булгакова вошел в Польше в золотой фонд литературы. Существуют две польских экранизации шедевра Булгакова: *Пилат и другие* (1971, премьера в канун Пасхи 1972-го) Анджея Вайды и телевизионный сериал Мачея Войтышко (1988).

В конце прошлого века «Политика», «Газета выборча» и «Жечполисполита» провели среди читателей опрос с целью выявить самый любимый роман XX века — на первом месте с большим отрывом оказался *Мастер и Маргарита*. В мае 2002 году в Польше была осуществлена новая, пятнадцатая по счету, театральная постановка *Мастера и Маргариты* — режиссера Кристиана Лупы в Кракове. А в середине марта 2004 года режиссер Лукаш Чуя поставил *Мастера и Маргариту* на сцене Театра эстрады в городе Хожув. Воланда играл Мачей Маленчук, известный в Польше музыкант андеграунда, написавший к спектаклю зонги.

Интерес к Булгакову не ослабевает в Польше и в XXI веке.

¹⁸ M. Bułhakow, *Mistrz i Małgorzata*, przłożył i posłowie napisał A. Drawicz, konsultacja naukowa dr G. Przebinda, Wrocław 1995.

¹⁹ M. Bułhakow, *Mistrz i Małgorzata*, przekład I. Lewandowska, W. Dąbrowski, wstęp A. Drawicz, oprac. tekstu i przypisy G. Przebinda, Wrocław – Kraków (etc.) 1990.